

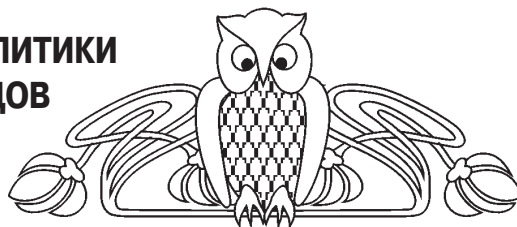
- ³⁸ Эрману Сарайва Ж. Указ. соч. С. 332.
³⁹ Бласко Ибаньес В. Указ. соч. С. 17.
⁴⁰ UBOAT.NET. URL: http://uboaat.net/wwi/ships_hit/4714.html (Дата обращения: 18.07.2012).
⁴¹ Там же.
⁴² Гарсия Х. Указ. соч. С. 58.
⁴³ Майский И. Указ. соч. С. 409.
⁴⁴ Ривьер Л. Указ. соч. С. 8.
⁴⁵ Там же. С. 11.
⁴⁶ Там же. С. 12.
⁴⁷ Там же. С. 27.
⁴⁸ Там же. С. 47.
⁴⁹ Там же. С. 73.
⁵⁰ Луцкая Н. С. Республика Риф. М., 1959. С. 43.
⁵¹ Бласко Ибаньес В. Указ. соч. С. 17.
⁵² Гибсон Р., Прендергаст М. Германская подводная война 1914–1918. Минск, 2002. С. 260–262.
⁵³ Ривьер Л. Указ. соч. С. 73.
⁵⁴ Там же. С. 62.
⁵⁵ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства. 1878–1917. Серия II. Т. XVIII. М., 1938. С. 340.
⁵⁶ Ривьер Л. Указ. соч. С. 70–71.
⁵⁷ Гибсон Р., Прендергаст М. Указ. соч. С. 139.
⁵⁸ Ривьер Л. Указ. соч. С. 15.
⁵⁹ Балакин С. А. ВМС Франции 1914–1918 // Морская коллекция. 1990. № 3 (27). С. 19.
⁶⁰ Супотницкий М. В. Пандемия «испанки» 1918–1920 гг. в контексте других гриппозных пандемий и «птичьего гриппа». URL: <http://www.supotnitskiy.ru/stat/stat51.htm#gl2> (Дата обращения: 20.07.2012).
⁶¹ Historia de España. Т. VIII. Р. 428.
⁶² Майский И. Указ. соч. С. 380–381.
⁶³ Там же. С. 382.

УДК 94:329.055.3

ПОИСК НОВЫХ ВЕКТОРОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЕВРОПЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

В. Г. Цыплин

Саратовский государственный университет
E-mail: v.tsyplin@yandex.ru

В статье определены основные этапы внешней политики СССР в Европе в 1920-х гг., анализируются особенности установления дипломатических отношений между СССР и европейскими государствами. Характеризуется период временного равновесия в механизме принятия внешнеполитических решений, существовавшего благодаря давлению оппозиции в ЦК ВКП (б) на Сталина и Политбюро.

Ключевые слова: межвоенный период, международные отношения, внешняя политика СССР.

The Search of the New Vectors of Russian Foreign Policy in Europe at the Beginning of 1920s.

V. G. Tsyplin

The article defines the major points of Russian foreign policy in Europe in 1920s. Author analyses relations between USSR and European countries during the period of temporary balance in the mechanism of decision making due to the pressure on Stalin and his supporters by the opposition inside the Communist Party.

Key words: interwar period, international relations, USSR foreign policy.

Историки уже многократно пытались разобрататься в сложном узле политических и этнотерриториальных проблем в Европе в межвоенный период, а так же определить основные направления советской внешней политики в Европе. Многие исследователи придерживаются мысли, что пока Европейские государства приходили в себя в надежде, что мировая война не повторить-

ся, в советском обществе ожидание новой войны усиливалось с каждым годом. Это продолжалось вплоть до конца 1920-х гг. В целом в Европе четко просматриваются попытки дипломатии изменить традиционные правила игры. Это подтверждают подписание пакта Бриана – Келлога о запрещении войны в качестве орудия национальной политики, созыв конференции по разоружению, создание Лиги Наций, воздержание от силовых методов решения своих проблем.

Во внешней политике СССР периода 1920-х гг. четко прослеживаются два этапа:

Первый этап (1920–1923 гг.) характеризуется усиленной дипломатической деятельностью стран-победительниц, направленной, во-первых, на создание и укрепление версальско-вашигтонской системы послевоенных международных отношений; во-вторых, на изоляцию Советской страны в целях её скорейшего подчинения или разгрома путем вооруженной интервенции.

Второй этап (1923–1929 гг.) был ознаменован, во-первых, обострением внутренних противоречий версальско-вашигтонской системы; во-вторых, постепенным расшатыванием этой системы усилиями враждебных ей государств; в-третьих, вступлением Запада на путь дипломатического признания Советского государства.

Практически это выглядело так, что на протяжении всех 1920-х гг. любое событие, происходящее на международной арене и хоть

как-то затрагивающее СССР, воспринималось массовым сознанием, прежде всего, как признак надвигающейся войны. Информационный отдел ОГПУ в декабре 1924 г. констатировал: «Всякое международное положение Советской власти истолковывается как близкая война и скорая гибель Советской власти»¹.

Что представляла из себя Европа того времени? Во всех центрально-европейских государствах, за исключением Албании и Греции, население было скорее этнически разнородным, чем однородным. Доля этнических меньшинств колебалась от 10–15% всего населения в Эстонии и Венгрии до 30–35% в Польше и Чехословакии. Между нациями, как, например, между Югославией и Чехословакией, были напряженные отношения на этнической почве. В 1920 г. на территории площадью около 1450000 кв. км. от Балтийского моря до южных Балкан проживало около 90 млн человек, представлявших более 30-ти этнических групп². Поэтому неслучайно на протяжении практически всего межвоенного периода в основе противоречий, разделявших центрально-европейские государства, лежали этнические проблемы.

Российские дипломаты в начале 1920-х гг. придерживались теории мировой революции и планировали создание на своих границах собственных советских буферных государств. Кроме того, на международной арене действовали после Октябрьской революции, фактически, три России – «красная», «белая» и эмигрантская, а при выработке внешней политики Кремля шла борьба между отдельными членами Политбюро ЦК РКП (б), официальной линией Наркоминдела и неофициальной, но очень влиятельной, которой придерживался Коминтерн.

Внешняя политика Советской России (СССР) после подписания Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., имевшего основополагающее значение для системы международных отношений и перехода к новой экономической политике, отражала ориентацию большевиков не только на европейскую революцию, но и реальную политику. Это нашло отражение в принципах мирного существования и пролетарского интернационализма, которые, по сути, отражали дипломатические усилия по созданию благоприятных международных условий для укрепления Советского государства, с одной стороны, а с другой, действия в плане содействия мировому революционному процессу. Решения, которые были приняты на III конгрессе Коминтерна летом 1921 г., призывали перейти «от штурма к осаде» и брали курс на перевод большинства пролетариата на сторону политики компартий. Это происходило в ходе дискуссий со сторонниками «теории наступления». Л. Д. Троцкий и его сторонники рассматривали этот период как «неустойчивое и весьма ограниченное по времени равновесие»³. По вопросам взаимосвязи революции и войны Сталин в середине 1920-х гг. высказал мысль о возможности в будущем «мир-

ного пути» победы революции трудящихся в некоторых странах, когда социализм станет фактом в крупнейших державах мира и капиталистическое окружение сменится социалистическим. Капиталисты могут тогда пойти на уступки трудящимся. Но, боясь возможного укоренения в создании людей труда иллюзий на этот счет, он подчеркивал, что это касается далекого возможного будущего⁴. В условиях того времени это предположение, по его мнению, не имело никаких оснований. Необходимо отметить, что сценарий революционной войны, которая «снилась» многим российским руководителям в течение всех 1920-х гг., возникал с завидной регулярностью. В связи с этим поразительно, что сохранились лишь отрывочные сведения о представлениях командования Красной армии об «освободительных акциях» в Европе.

Политику США по отношению к России можно охарактеризовать следующим образом: оставаясь вне прямого дипломатического контакта с Москвой, стремиться перекрыть точки роста и приложения сил, которые явно обозначились в политике большевиков по укреплению безопасности в соответствии с исторически сложившейся топографией страны⁵. В целом же для планировщиков новой постверсальской внешнеполитической стратегии США «русская ситуация» становилась частью американской проблемы – проблемы новой роли Америки в миропорядке, сложившемся после Первой мировой войны. Один из идеологических вдохновителей политики непризнания Советской России Джон Спарго, поздравляя демократа Бейнбриджа Колби с вступлением в должность госсекретаря США 26 февраля 1920 г., писал: «Ваше назначение (президентом Вильсоном. – В.Ц.) считаю крайне удачным, принимая во внимание критическое положение, возникшее в связи с русской ситуацией. От того, как мы будем решать эту проблему, будет зависеть и в значительно большей мере, чем мы сознаем, существование цивилизации на много лет вперед... Величайшая по масштабам задача, стоящая перед нашей страной, – это привязать Россию к нам посредством сильных и прочных уз и предотвращение подчинения ее экономической жизни любой другой страной, будь то Германия, Япония или Англия»⁶. В этой сентенции Спарго была одна центральная и традиционная для американских либералов мысль: Россия и после своей революции обречена на отсталость и несвободу и может существовать, только волочась, на буксире у передовых стран⁷. США – «колыбель демократии» – способны и должны осуществить такую пасторскую роль спасителя от одичалости и воинствующего безбожия почти одной шестой земной суши, которая управляется представляющим ничтожное меньшинство народа правительством, поправшим права человека и законы международного общения. Какие «практические» способы и шаги при этом могли бы возобладать после победы большевиков в Гражданской войне

и отражения интервенции, должно было показать время, но международно-правовая поддержка национального сепаратизма и ослабление позиций советского режима как на Западе, так и на Востоке, его непризнание рассматривались в качестве опорных составляющих «русской политики» госдепартамента в 1920-х гг.⁸

Что же все-таки притягивало США в России в начале 1920-х гг.? Ответ на этот вопрос дает в своей монографии А. В. Гришин, и с ним трудно не согласиться. Крупным интересом Америки в России были претензии на бакинские месторождения, которые «Стандарт Ойл» приобрел у Общества Нобель в 1920 г. Те, кто оспаривал право государства на отчуждение частной собственности иностранцев, признавали, что закон и прецедент стоят на стороне правительства, которое конфискует собственность своих подданных. В таком случае советская сторона могла добавить, что, покупая претензию на нефтяные месторождения, явившуюся результатом декрета о национализации, у продавца, который больше не являлся её собственником. «Стандарт Ойл», в свою очередь, надеялся на падение Советского правительства или на силовое аннулирование акта о национализации⁹.

Рассмотрим, какой представляли себе политику Англии и Франции руководители Советского государства. Версальская система международных отношений основывалась на взаимной заинтересованности Англии и Франции в сохранении и упрочении итогов Первой мировой войны, а также сохранении мира в Европе. Разница была в том, что для англичан мирная Европа считалась мирным тылом Британии, для французов сохранение мира в Европе – это вопросы незыблемости границ их государства и обеспечение национальной безопасности. На этом основывалась их принципиальная разница в концептуальных подходах на Парижской конференции. Степень охлаждения англо-французских отношений после победы над германским блоком руководители Советского государства трактовали правильно. Они прочувствовали английскую политику «равновесия сил», которая требовала сдерживания все усиливающейся гегемонии Франции на континенте и поддержки в качестве противовеса ей Германии. Англия вынашивала идеи быстрого возрождения экономики Германии, хотелось видеть её такой же сильной, как и Франция. Это стремление лежит в основе англо-французских противоречий. Франция же, обладая самой мощной сухопутной армией в начале 1920 гг., в условиях отсутствия системы всеобщей безопасности, гарантом которой могла выступить сила, была вынуждена искать возможность заключения военных союзов, направленных на сдерживание германской военной машины. Эта посылка лежит в основе французской внешней политики. Руководители Советского государства всемерно способствовали распространению мировой революции и не видели возможностей

возрождения русско-французского союза. Более того, СССР, по мнению французской дипломатии, угрожал мирному устройству Европы наравне с Германией. А уж после заключения советско-германского пакта в Раппало и подписания военно-политического соглашения «Радек – фон Сект» французы забили тревогу. Созданные в середине 1920-х гг. англо-французские тыловые союзы на деле оказались «санитарными кордонами» против СССР, с задачей отрезать Россию от европейской международной политики.

Те мысли, которые блуждали в умах граждан Советской России, сложно прокомментировать. Представления о войне с Англией базировались на воспоминаниях об интервенции союзников на Севере. В Архангельской области почему-то распространились слухи о высадке десанта и начале захвата этой области, вырубке лесов и переселении туда каких-то жителей, а после признания Англией СССР, в 1924 г., крестьянами начали муссироваться варианты укрепления на этой почве Советской власти¹⁰. Позднее опять пошли слухи о передаче Англии части территории Архангельской губернии.

Любопытно, что в 1920-е гг. Англия чаще всего фигурирует в роли потенциального противника и «освободителя» от большевиков. Германия в массовом сознании как враг практически не представлена, зато в зависимости от географического расположения губерний упоминаются Польша, Франция, Япония, Китай и США¹¹.

Для советских лидеров вопрос о признании нашего государства крупными западными державами на рубеже 1923–1924 гг. оставался главным. И именно Англия по всем причинам должна была быть первой. Россию и Англию традиционно связывали поставки продовольствия и сырья, Лондон по-прежнему виделся крупнейшим источником финансового капитала, Великобритания была примером, за которым следовали остальные страны. В это время она переживала серьезные внутривнутриполитические изменения. К тому же в январе 1924 г. пост премьер-министра впервые занял лидер лейбористской партии Дж. Р. Мак. Дональд, высказывания которого изобиловали призывами к экономическому сближению с Россией.

Одним из первых государств, установивших торговые отношения с Россией, была Италия. Соглашение от 21 декабря 1921 г. способствовало выходу России из политической и экономической изоляции, создавало благоприятные условия для установления взаимовыгодных торгово-политических связей между странами. Оно предусматривало обмен официальными агентами, аккредитованными при правительствах, и предоставление им дипломатического иммунитета. По существу, это было признание правительства РСФСР де-факто¹². 7 января 1924 г. глава внешнеполитического ведомства Г. В. Чичерин выдвинул принцип: «Взаимные уступки ради взаимных выгод». Советские дипломаты предупредили

итальянскую сторону о том, что если Англия первой признает советское правительство, то представленные ранее уступки могут быть взяты обратно. «Наша тактика, – писал М. М. Литвинов полпреду в Берлин – состояла в том, чтобы подхлестнуть Муссолини угрозой приоритета, а Макдональда – угрозой скорого признания со стороны Италии. Нам важно было выждать время». Расчеты и тактика советской дипломатии подтвердились. 1 февраля Англия объявила о признании СССР де-юре. Муссолини, поняв свой просчет, дал указание немедленно подписать торговый договор и ускорить дипломатическое признание СССР. 7 февраля в Риме состоялось оформление договора о торговле и мореплавании между СССР и Италией, после этого нарком Г. В. Чичерин получил ноту итальянского правительства о признании де-юре правительства СССР¹³.

Отношения между советскими руководителями и Румынией после разрыва Бухарестом русско-румынского соглашения о Бессарабии осложнились, но к военному конфликту они не привели, хотя в 1921 г. в руководстве ЦК и рассматривались варианты захвата Бессарабии, которые частично сдобривались готовностью нормализовать отношения с Румынией, признав вхождение в неё Бессарабии. У правительства Румынии, в отличие от советского, преобладали более мирные настроения, но к мирному договору и нормализации отношений они не привели, хотя такие предпосылки просматривались как на Варшавской конференции в сентябре–октябре 1921 г., так и на венской встрече в марте–апреле 1924 г.¹⁴.

В начале 1920-х гг. был подписан целый ряд соглашений, которые привели к установлению советского строя в странах Балтии: с Литвой – 12 июля 1920 г., Латвией – 11 августа 1920 г., Финляндией – 14 октября 1920 г.

Особое место в истории дипломатии занимает сближение СССР и Германии в 1920-е гг. За ним стоял конкретный политический расчет, суть которого сводилась к использованию противоречий между Антантой и побежденной Германией для раскола капиталистического окружения, ведущего враждебную политику в отношении СССР. За счет военно-политического и технического сотрудничества с Германией СССР стремился прорвать экономическую и дипломатическую блокаду страны, усилить её оборонную мощь.

Советско-германские отношения переживали время подъема после окончания Генуэзской конференции и подписания наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным 16 апреля 1922 г. Рапалльского договора об установлении нормальных дипломатических отношений между двумя странами. 5 ноября между Россией и Германией был подписан договор о распространении действия Рапалльского договора на другие союзные с РСФСР республики. От имени РСФСР этот договор подписал полпред Н. Н. Крестинский, а от имени Украины – полпред В. Х. Аусем. Тем самым

между Германией и Украиной также устанавливались дипломатические отношения¹⁵. Рапалльский договор содержал третью статью, которая была секретной. В ней как раз и говорилось о сотрудничестве Германии и России в военной области. О такой договоренности ни в Москве, ни в Берлине открыто упоминать не могли.

Таким образом, вопросы сотрудничества СССР и Германии в обход требований Версальского договора в 1920 гг., не говоря об отношениях этих государств после прихода Гитлера к власти, были строго засекречены, исследования на эту тему были скудными. И только после радикальных социально-политических трансформаций – объединения Германии и распада СССР – стали доступны архивные документы по этой теме, после чего появились и исследования, которые были свободны от идеологических стереотипов.

Среди диссертационных исследований пальму первенства держит исследование В. В. Захарова¹⁶, в которой анализируются политические, военные и промышленно-экономические аспекты взаимоотношений двух государств. Особого внимания заслуживает книга Ю. Кантор¹⁷, в которой впервые на основе ранее неизвестных документов ЦА ФСБ РФ, АВП РФ, АВП ФРГ, РГВА, РГАСПИ исследуются вопросы секретных военно-политических контактов СССР и Германии в 1920-е гг., которые не были разорваны после 1933 г. Автор проливает свет на причины зарождения дружбы двух тоталитарных режимов.

Большое количество исторических работ в США и Великобритании посвящены освещению отношений Советского государства со странами Европы в рассматриваемый период. К ним относятся исследования Дж. Кеннана, У. и З. Коутс, С. Граубарда, Л. Кохана, Р. Уллмана, Р. Хейга, Дж. Гатхорн-Харди, Д. Доннелли, Р. Ариота, Л. Фишера.

Давая характеристику британским и американским исследованиям проблемы, хочется отметить небрежное отношение их авторов к историческим источникам и фактам. Если определенный фактический материал отвечает концепции авторов, то они зачастую не занимаются проверкой его достоверности. К тому же, характеризуя историю внешней политики Советского государства, они довольно редко обращаются к первоисточникам изучаемой проблемы, часто ограничиваясь пересказами тех или иных партийных и государственных документов. Также при рассмотрении исторической действительности не учитывается цепь исторических событий и явлений, нет анализа и сопоставления с рядом других звеньев. Однако тот объем теоретического материала, который накопился в англо-американской литературе с большим разнообразием точек зрения на вопросы советской внешней политики, конечно, заслуживает внимания.

Контакты между советскими и германскими военными в период существования Веймарской

республики были довольно плодотворными, особенно для германской стороны, получившей возможность в обход Версальского договора разрабатывать и испытывать на российской территории новое вооружение. Связующим звеном между РККА и рейхвером выступал заместитель председателя РВС СССР И. С. Уншлихт, позднее руководство перешло к Разведпуру, где среди руководителей был и Я. К. Берзин. Информация о сотрудничестве двух стран под зорким присмотром Разведпура по каналам военной разведки шла в правительство¹⁸.

Необходимо отдельно сказать о деятельности советской дипломатии на международных конференциях 1922–1923 гг., так как события, связанные с подготовкой и проведением международной экономической конференции в Генуе, а также с её продолжением в Гааге, показали, что Советская Россия являлась необходимым недостающим элементом в системе европейской политики и экономики. Советским представителям удалось отстоять позиции молодой республики, с честью выйти из сложнейших переговоров, закончившихся провалом по вине делегатов капиталистических государств¹⁹.

В 1923 г. после разгрома Гамбургского рабочего восстания все романтико-милитаристские надежды советского руководства на грядущую мировую революцию выглядели весьма призрачными. Подавление революционных выступлений в Саксонии и Тюрингии, да и быстрый разгром Гамбургского восстания вызвали определенные изменения в расстановке сил в ЦК РКП (б). Здесь очевидно поражение Зиновьева, Радека и Троцкого, которых можно смело отнести к сторонникам революционной тактики. В противовес им Сталинская группировка в первую очередь понимала, что социализм можно строить только в одной отдельно взятой стране. С другой стороны, сталинисты в целях усиления своих позиций решили обвинить своих оппонентов в германском фiasco. Этот рубежный период можно отнести к довольно продолжительной эпохе двойных стандартов, носящей одновременно прагматичный характер, преследующей в качестве основной задачи поиск новых векторов внешней политики СССР.

После победы П. фон Гиндербурга на выборах президента в Германии в 1925 г. у некоторых российских немцев возникли бредовые идеи возвращения последнего на Украину, в связи с чем стали распространяться слухи об угрозе оккупации. Эти слухи базировались на ассоциациях прошлых лет. В Псковской губернии дело дошло до подбрасывания записок в почтовые ящики об отмене неправильно введенного большевистского порядка и замене его на немецкий²⁰. Данный, надуманный, в народе факт, являлся, пожалуй, единственным случаем германской угрозы в межвоенный период до прихода Гитлера к власти. Это является классическим примером мифологической составляющей массового сознания.

Нормализация отношений между Советской Россией и Чехословацкой республикой произошла в апреле 1922 г. после подписания соглашения о взаимном признании и установлении отношений де-факто. До этого момента осложнение отношений между странами объяснялись участием Чехословацкого корпуса в Гражданской войне в России.

Говоря о механизме принятия внешнеполитических решений в начале 1920-х гг., можно сказать, что при жизни В. И. Ленина было создано определенное равновесие при рассмотрении вопросов внешней политики СССР, которое стало расшатываться после его смерти, в 1924 г. Это объясняется фракционной борьбой в Политбюро ЦК РКП (б). Л. Д. Троцкий воспринимался членами Политбюро как законный ленинский преемник, что вызывало к нему страх и ненависть.

20 марта 1924 г. Политбюро приняло решение о проведении «особых еженедельных заседаний по международным вопросам» и установило, что «в течение недели должны проходить два заседания Политбюро», причем «вопросы наркомата иностранных дел должны обсуждаться только на одном заседании». Поскольку регламент заседаний Политбюро не всегда исполнялся, особенно в период участвовавших дискуссий с «левой» оппозицией, с июля 1925 г. оно проводило свои заседания раз в неделю (по четвергам), а в случае рассмотрения неотложных вопросов допускало и внеочередные (экстренные) заседания, которые назначались особыми решениями Политбюро²¹.

С августа 1924 г. все решения в Политбюро принимались «семеркой», в состав которой входили все члены Политбюро (кроме Троцкого) и председатель Центральной контрольной комиссии (ЦКК) РКП (б)-ВКП (б) В. В. Куйбышев. «Семерка» собиралась накануне заседаний Политбюро и обсуждала все вопросы.

Двойственный характер советской внешней политики определялся социально-экономической ситуацией в стране и международным положением. Необходима была мирная передышка, но и был соблазн разыграть карту европейской революции. Уже в конце 1924 г. потеряла свою прежнюю силу и притягательность, настойчиво пропагандируемая Троцким, теория «перманентной революции», вступившая в противоречие с внутривнутриполитическим курсом сталинского «большинства» в Политбюро на «строительство социализма в одной стране». СССР в этот период более чем любая другая великая держава нуждался не в иллюзиях о «мировом революционном пожаре», а в международном мире и стабильности, необходимых для восстановления разрушенной революцией, Первой мировой и Гражданской войнами экономики и укрепления своей политической системы²².

Формирование новых государств Восточной Европы оказалось переплетено с военно-политическими конфликтами, наследие которых легло тяжелым бременем на отношения больше-

вистской России со своими соседями. Советская дипломатия в начале 1920-х гг. не смогла воспрепятствовать процессу сближения со странами – победительницами в Первой мировой войне и вхождению в Лигу Наций Германии, а также найти для СССР иную опору в европейской политике и заручиться гарантией его безопасности. Сталин и другие члены партийного руководства опасались капиталистического сговора за своей спиной и рассматривали Советский Союз как «объект международного давления». Их преследовал подлинный кошмар всевозможных реальных и нереальных коалиций – от миража капиталистической реставрации России объединенными силами Франции, Польши, Румынии и Чехословакии при поддержке английского флота и американских капиталов до расчленения территории поляками и японскими самураями. В начале 1920-х гг. странам-лимитрофам отводилась роль объединяющего звена между Советской Россией и революцией на Западе, и здесь оперировали понятиями «буфер», «санитарный кордон», «плацдарм». Большевикам по целому ряду позиций в ходе мирных переговоров пришлось временно отказаться от отстаивания национально-государственных интересов и пойти на уступки.

Напрашивается обобщающий вывод, что советская внешнеполитическая парадигма 1920-х гг. отражала попытку большевиков соединить ориентацию на мировую пролетарскую революцию и реальную политику, направленную на установление мирных и взаимовыгодных отношений с другими государствами.

Советская дипломатия, исходя из реалий первой половины 1920-х гг., была вынуждена учитывать в своей деятельности исторические и политические традиции, национальные особенности своих контрагентов. Европейские соглашения заключались с учетом политического и экономического статуса государств, их взаимоотношений между собой.

В основном Советская Россия позиционировала себя как базу для развития европейской и мировой революции, готовая при этом резко изменить свое статус-кво либо подталкиванием революционного движения в любом регионе мира, либо применением военной силы. Большевистские лидеры некоторое время придавали политике нового режима исключительно революционный характер, отказываясь от его включения в систему международных отношений. Однако по мере усиления позиций Сталина партийно-государственное руководство, не отказываясь от лозунгов пролетарского интернационализма, все более концентрировало усилия на укрепление международных позиций СССР на основе принципов мирного существования еще до провозглашения генсеком курса на построение социализма в одной стране. Впоследствии все это способствовало замене революционной ментальности в вопросах

внешней политики на авторитарно-государственный внешнеполитический курс.

Примечания

- 1 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 4 об.
- 2 См.: Соломон Ф. Европа национальных государств против Европы национальных меньшинств. Версальско-Вашингтонская система : возникновение, развитие, кризис. 1919–1939 гг. : сб. ст. / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М., 2011. С. 19.
- 3 Третий Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала : стенографический отчет. Тверь, 1922. С. 41.
- 4 См.: Сталин И. В. Сочинения : в 18 т. М., 1947. Т. 6. С. 117–118.
- 5 См.: Мальков В. Л. Холодная война : истоки и уроки // Россия XXI. 2007. № 2. С. 70.
- 6 Library of Congress (далее – LC). Bainbridge Colby Papers. Correspondence, 1888–1920. Box 2. John Spar go to Colby. 1920. February 26.
- 7 См.: Фоглесонг Д. С. Истоки первого американского крестового похода за «Свободную Россию». Торжество «миссионерского» мышления над русофилией, 1885–1905 гг. // Россия XXI. 2002. № 5. С. 100–133.
- 8 LC. Box 3. A. Colby to Woodrow Wilson. 1920. April 23 ; Norman Davis to Colby. 1920. August 7.
- 9 См.: Гришин А. В. Внешняя политика Советского государства первой половины 1920-х годов. Брянск, 2009. С. 66.
- 10 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 116.
- 11 См.: Голубев А. В. Если мир обрушится на нашу Республику : советское общество и внешняя угроза в 1920–1940 гг. М., 2008. С. 168.
- 12 См.: Москва – Рим : Политика и дипломатия Кремля, 1920–1939. М., 2003. С. 17.
- 13 Там же. С. 8.
- 14 См.: Виноградов В. Н., Ереценко М. Д., Покивайлова Т. А., Семенова Л. Е. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии : документы и материалы. М., 1996. С. 251.
- 15 См.: Документы внешней политики СССР : в 24 т. М., 1961. Т. 5. С. 658–663.
- 16 См.: Захаров В. В. Политика советского государства по отношению к Германии в военной области и её влияние на обороноспособность СССР (1921 – июнь 1941 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.
- 17 См.: Кантор Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930 годы. СПб., 2009.
- 18 См.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов российского общества первой половины XX в. М., 1998. С. 98.
- 19 См.: Гришин А. В. Указ. соч. С. 74.
- 20 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 180. Л. 110.
- 21 См.: Макаренко П. В. Сталинская реконструкция механизма внешнеполитических решений на рубеже 1920–1930-х // Российская история. 2011. № 5. С. 39.
- 22 Там же. С. 37.